
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

А. Г. МЯСНИКОВ

ОТ КАНТОВСКОЙ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АВТОНОМИИ К СОВРЕМЕННЫМ ПРОЕКТАМ ЛИЧНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИСУБЪЕКТНОСТИ*

В статье представлен современный социально-этический и социально-философский анализ кантовского понятия автономии личности. Рассмотрены его основные трактовки, выявлены структура и границы, заданные этическим учением И. Канта. Особое внимание обращено на корректную трактовку автономии как способности к моральному законодательству, имеющему всеобщий характер, то есть не изолирующей личность в ее естественном эгоцентризме, а, напротив, делающей субъектом общечеловеческой коммуникации. Также в статье дается рационально-критический обзор современных проектов автономии – конструктивистских, адаптационных и интерсубъективных. В ходе осмысления этих проектов предпринята попытка расширения кантовского метафизического понятия моральной автономии с помощью дополнения социально-экономической и политической самостоятельности современного человека как необходимых степеней ее становления. Делается вывод, что современная автономия порождает полисубъектность человеческих отношений, которая отчетливо проявляется во многих процессах глобализации.

Ключевые слова: автономия, Кант, степени свободы, самостоятельность, всеобщий разум, глобализация, полисубъектность.

** Для цитирования:* Мясников А. Г. От кантовской метафизической модели автономии к современным проектам личной самостоятельности и глобальной полисубъектности // Философия и общество. 2026. № 2. С. 113–130. DOI: 10.30884/jfio/2026.02.07.

For citation: Myasnikov A. G. From the Kantian Metaphysical Model of Autonomy to Contemporary Projects of Personal Autonomy and Global Polysubjectivity // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2026. No. 2. Pp. 113–130. DOI: 10.30884/jfio/2026.02.07 (in Russian).

Философия и общество, № 2 2026 113–130

DOI: 10.30884/jfio/2026.02.07

The article presents a modern socio-ethical and socio-philosophical analysis of the Kantian concept of individual autonomy. Its main interpretations are considered, the structure and boundaries set by I. Kant's ethical doctrine are revealed. Special attention is paid to the correct interpretation of autonomy as the ability to moral self-legislation, which has a universal character, i.e. does not isolate the personality in its natural egocentrism, but, on the contrary, makes it a subject of universal communication. The article also provides a rational-critical review of contemporary projects of autonomy – constructivist, adaptationist, and intersubjective. In the course of conceptualizing these projects, an attempt is made to expand the Kantian metaphysical notion of moral autonomy by supplementing the socio-economic and political autonomy of modern man as necessary degrees of its formation. It is concluded that modern autonomy gives rise to the polysubjectivity of human relations, which is clearly manifested in many processes of globalization.

Keywords: *autonomy, Kant, degrees of freedom, autonomy, universal reason, globalization, polysubjectivity.*

Вводная часть: постановка задач и методология исследования

На протяжении более 200 лет морально-практическая философия Канта была и остается предметом серьезнейших дискуссий и мировоззренческих столкновений между учеными, политиками, религиозными мыслителями [Круглов 2009; Мясников 2023a]. Современные интерпретации кантовской концепции автономии показывают широчайший диапазон оценочных суждений – от подлинного восхищения и признания величия до экзистенциального неприятия, вызванного конфликтом ценностно-смысловых оснований. Задача профессиональных исследователей кантовской философии заключается в том, чтобы попытаться встать над этими крайними оценками и представить научную, объективно обоснованную позицию, которая позволит посмотреть на кантовское наследие как на важное интеллектуальное достояние всего человечества, которое необходимо критически осмысливать в XXI в.

Наше исследование будет обращено к важнейшей теме кантовской морально-практической философии, а именно – к теме личной автономии, которая оказала сильнейшее влияние на все социально-гуманитарное знание и до сих пор остается предметом многочисленных трактовок и обсуждений [Артемьева 2018; Сергеев 2020; Rössler 2018]. Эта тема оказывается ключевой в современных дискуссиях о человеческой субъектности, о соотношении личного и общего блага, о степени свободы и ответственности человека в разных жизненных ситуациях и других аспектах личного бытия

человека. Поэтому мы намерены рассмотреть эту тему в историко-философском и социально-этическом плане: от кантовского понимания к современным проектам автономии.

Нам предстоит ответить на следующие вопросы: что такое автономия личности по Канту? Какова структура автономной личности? Можно ли расширить сферу моральной автономии в современных условиях?

Для осуществления нашего плана мы будем опираться на ряд концептуальных и методологических подходов, включающих в себя историко-философские методы реконструкции и сравнительно-исторического анализа, социально-философскую концепцию 10 степеней свободы как самостоятельности, социально-этические методы структурно-функционального анализа и экспериментального моделирования жизненных ситуаций. В ходе нашего исследования также будет применяться рационально-критический анализ современных подходов к изучению феномена личной автономии – конструктивистских, адаптационных и интерсубъективных, который позволяет выявить, с одной стороны, степень влияния кантовской метафизической модели на эти теории, а с другой стороны, их характерные особенности и недостатки.

I. Что такое автономия личности по Канту?

Структура кантовского понимания моральной автономии личности заключается в сочетании двух разнонаправленных стремлений человеческой воли или чистого практического разума. Во-первых, стремление к независимости и самостоятельности в понимании своего долга и счастья делает человека самодостаточным субъектом, который не нуждается в посторонней помощи и каком-либо верховном содействии. По мнению современного отечественного этика Р. Г. Апресяна¹, этот аспект моральной автономии можно назвать негативным, так как человек противопоставляет свою волю всем физическим, психическим, внешним и внутренним побуждениям, которые хотят подчинить ее общему механизму природы [Апресян 2015]. Тем самым создается большая сила внутреннего сопротивления, которая может привести к полной изоляции человека и его саморазрушению через неограниченное своеволие, гордыню и презрение к другим.

¹ 9 декабря 2022 г. Министерство юстиции Российской Федерации признало Р. Г. Апресяна иноагентом.

Для того чтобы не допустить этой крайности в реализации свободы воли, необходимо, по Канту, второе стремление, уравнивающее негативный аспект, – это стремление к универсализации, к выходу за границы своего природного эгоцентризма [Артемьева 2018]. Это самоограничение своего самоволия происходит в согласии с собственным пониманием человеком того, что будет полезным не только для меня самого, но и для всех разумных существ. Негативный аспект свободы воли дополняется позитивным волеием, утверждающим всеобщую законосообразность. Такое самопринуждение предназначено уравновесить изначальное самоволие («Я хочу») благоразумным пониманием общих интересов, которые находят выражение во всеобщей подчиненности законам и с которыми соглашается наш разум. Добровольное согласие человека на подчинение своей воли общему закону означает действительную гармонию личного и общего интереса, это высшее проявление человеческой свободы воли и моральности, тождественное, по Канту, категорическому императиву [Соловьев 2005].

Автономия, по Канту, не превращает его в эгоцентрическое существо, в самодовольного эгоиста, а, напротив, тесно связывает со всем мировым сообществом разумных, свободных и моральных существ, думающих об общем благе через призму всеобщего категорического императива. Автономный человек – это прежде всего ответственный человек, продумывающий последствия своих решений в качестве всемирного (всеобщего) законодателя. Именно автономия, по словам современного исследователя А. К. Судакова, вводит разумное существо в «царство целей», в «невидимую церковь» – умопостигаемую общность всех разумных моральных существ [Судаков 2023]. Автономия дает человеку самосознание собственного достоинства, то есть той внутренней ценности, которая, с одной стороны, отличает конкретную личность от всех других вещей, а с другой стороны, объединяет в единое моральное сообщество независимо от антропологических и социальных различий. По Канту, путь к автономии всегда открыт, так как человек всегда свободен сделать выбор и может самостоятельно принять моральное умоностроение, и вместе с тем может отступить от этого исполнения и перейти в гетерономное, зависимое состояние, тем самым снижая степень своей личной свободы [Мясников 2023б].

Многие исследователи Канта считают, что автономия предполагает отсутствие какого-либо интереса или практической целесообразности. С этим утверждением можно согласиться только ча-

стично, так как оно относится лишь к первому стремлению человеческой воли, которое демонстрирует некоторую независимость от материальных побуждений, и в этом отношении может быть допущена условная незаинтересованность моральной воли. Но как только мы переходим ко второму стремлению – позитивной свободе воли, выраженной в стремлении к универсализации максимы поступка, то понятие интереса вновь возрождается в виде всеобщей пользы, которую предполагает наш всеобщий человеческий разум при применении категорического императива [Соловьев 2005; Фасоро 2019].

Человеческая воля не может обойтись без интереса, но его содержание может быть разным, начиная с естественно-эгоистического (доходящего до разных патологий) и заканчивая чисто моральным интересом, который практически кажется «незаинтересованным» в сравнении с начальными эгоистическими побуждениями людей. Мы должны обратить внимание на такое важное обстоятельство: несмотря на то что категорический императив мыслится Кантом как чистое (как бы незаинтересованное) долженствование, его реальное применение все же предполагает прагматическую мотивацию в виде общей пользы, выраженной во всеобщем законе. Именно установка на универсализацию человеческого намерения (максимы) раскрывает высший интерес нашего разума – интерес к высшему благу как гармоничному единству моральности и счастья (блаженства) [Кант 1997а].

При этом ряд современных исследователей кантовской моральной философии утверждают, что моральная автономия содержит три взаимосвязанных аспекта. Во-первых, независимость воли от какого-либо практического интереса, от какого-либо блага или пользы [Соловьев 2005; Круглов 2024]. Этот аспект требует уточнения, ибо сам Кант признавался в «Критике практического разума», что счастье и нравственность не должны противопоставляться друг другу и разрушать тем самым единство личности со своей материальной природой [Кант 1997а: 529–531]. Само понятие интереса, которое использует Кант, оказывается сложным и включающим в себя как привычные нам материальные интересы (опосредованные самими объектами желаний), так и «непосредственный интерес разума», то есть чистый, моральный интерес [Его же 1997б: 263]. Поэтому, говоря о независимости воли от практического интереса, Кант имеет в виду различение чисто морального (умопостигаемого) и реального практического интереса человеческого разума, ко-

торое все же имеет общее основание в самом разуме, стремящегося к единству моральных и прагматических интересов. Таким образом, этот первый аспект автономии предполагает именно относительную независимость чистой воли от материальных благ или пользы, то есть возможность того, что человеческий разум может поставить чисто моральный интерес выше материально-прагматического, так как эта иерархия обоснована дедукцией чистого практического разума [Кант 1997а].

Во-вторых, автономия рассматривается Кантом в качестве разумной способности человека действовать не по своей случайной прихоти, а предполагая всеобщий и обязательный характер действия, то есть законосообразность. Многие интерпретаторы справедливо подчеркивают дополняющий характер этого аспекта автономии, предназначенный вывести отдельное волеизъявление человека из субъективного эгоцентричного смыслового поля в общее пространство разумных смыслов, которое открывается практическому разуму в его следовании всеобщим законам природы [Lotter 2016].

Далее открывается третий аспект автономии: она проявляется именно в утверждении, в установлении практическим разумом таких всеобщих законов, которые бы выражали и мой личный интерес, и интерес каждого другого разумного существа. Это волевое самоутверждение делает человека создателем умопостигаемого морального мира и дает очень большую самостоятельность, которую далеко не все люди готовы взять на себя, так как с ней приходит и большая ответственность за принятые решения. Это особенно отчетливо видно в религиозных вопросах. Когда Кант в самом начале своей «Религии в пределах только разума» говорит, что «мораль отнюдь не нуждается в религии», то это утверждение может обескуражить обычного человека, привыкшего к традиционному послушному гетерономному существованию, которое связано с минимальной ответственностью за свои убеждения [Кант 1994: 5]. Чтобы дойти до понимания и принятия этого кантовского тезиса, нужно увидеть взаимосвязь указанных трех аспектов автономии и принять кантовскую иерархию ноуменального и феноменального бытия человека. Кантовская модель автономии выводит человеческую личность на высочайший уровень свободы – к нравственно-религиозной самостоятельности, которая может иметь внеконфессиональный характер, быть чисто моральным, духовным умонастроением, не связанным с узами конкретной общины или церкви. Но при этом автономная личность сознает свою непосредственную причаст-

ность ко всему мировому сообществу разумных существ (мировой интеллигенции), способных к обобщающим рефлексиям и персональной ответственности за свои общезначимые решения.

Итак, кантовскую модель мы можем назвать метафизической и, по сути, идеалистической концепцией человеческой автономии, которая выступает в качестве идеального образца человеческих взаимоотношений. При этом наша реальная (феноменальная) жизнь нередко оказывается далекой от этих метафизических (умопостижимых) построений и требует прагматических рефлексий для достижения современных гуманистических, моральных задач. Вместе с тем обращение к кантовской модели возвышает личность человека и дает силы, уверенность в возможности продвижения к лучшему даже в самых трудных жизненных ситуациях.

II. О современных проектах личной самостоятельности

Перенося эту кантовскую модель автономии на современную жизнь постиндустриального, информационного общества, мы можем увидеть, с одной стороны, много новых препятствий для ее реализации, а с другой – растущую потребность в таком системном понимании личной автономии, которое нацелено на достижение высшего блага для всего человечества. Практически это означает, что кантовская метафизическая модель автономии может быть успешно адаптирована к новой исторической и социокультурной реальности и послужить структурным основанием для разработки новых функциональных проектов развития личной самостоятельности и вместе с тем глобальной солидарности людей в новом веке.

Мы рассмотрим несколько видов современных функциональных проектов автономии – *конструктивистские, адаптационные и интерсубъективные*, которые охватывают широкий спектр социально-гуманитарного знания и выражают различные аспекты самого человеческого бытия.

Конструктивистские социально-философские проекты

Кантовские понятия свободы, автономии, самостоятельности в мышлении и поведении находят отклик у многих наших современников, и прежде всего у специалистов по этике, у социальных философов, психологов, антропологов, стремящихся использовать потенциал этих понятий для осмысления актуальных проблем. При этом мы обращаем внимание, что многие современные авторы, идущие по пути реконструкции кантовских понятий и рационального

конструирования собственных моделей автономии, не могут удержаться в границах реалистического дискурса и часто оказываются в чарующем пространстве абстрактно-утопического мышления. Итак, рассмотрим две новейших социально-философских теории автономии, которые мы относим именно к абстрактно-утопическому конструированию этого феномена.

1. Концепция автономии личности Э. Ю. Майковой

Одной из современных отечественных конструктивных концепций автономии личности является компилятивная социально-философская модель Э. Ю. Майковой [2015]. В своей докторской диссертации Э. Ю. Майкова предлагает понятийное конструирование личной автономии с помощью трех социальных модусов: «самости», «идентичности» и «вовлеченности». Эта теория пытается соединить ряд современных зарубежных и отечественных подходов (прежде всего Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, М. Кастельса) к пониманию личности в условиях постмодерна и глобализации.

Конструктивистский смысл этой модели автономии заключен во взаимосвязанном характере трех упомянутых модусов, каждый из которых выражает определенный уровень автономии или самостоятельности человека. Так, модус «самости» выражает собственно саму автономию, то есть полную самостоятельность человека в суждениях и в поведении. Основанная на критической рефлексивности, утверждает автор, она является «осью» личности. При этом Э. Ю. Майкова не конкретизирует смыслы и практическую направленность этой рефлексивности и ограничивает ее применение относительно нейтральной сферой высшего образования. То есть современный молодой человек должен формировать свою личную автономию, должен стремиться к самодетерминации, но для чего? У автора мы не находим внятных объяснений.

Второй модус автономии – «идентичность» выводит человека из его внутреннего мира Я и связывает с другими людьми разными отношениями близости, кровного родства, схожести чувств, мыслей и убеждений. Ответ на вопрос «кто я?» важен для развертывания смысловой структуры личной автономии, которая не может замыкаться только на отношениях человека к самому себе и нуждается в различных внешних взаимосвязях, отношениях, через которые человек будет лучше познавать себя и раскрывать свой потенциал. Этническая, религиозная, национально-государственная и другая идентичности укореняют бытие человека в этом сложном мире, но вме-

сте с тем как бы размыывают личную автономию, ведь человек соотносит себя, например, с представителями своего этноса («русскими», «татарами» и др.) и тем самым выходит за свои внутренние границы, становится одним из многих, частью некоторой общности, и частично теряет свою уникальность, индивидуальность, то есть свое собственное Я, которое начинает подчиняться некоторому коллективному «мы».

Дальнейший процесс ослабления личной автономии приводит Э. Ю. Майкову к третьему социальному модусу автономии – «вовлеченности» (по терминологии М. Хайдеггера), то есть как бы добровольной подчиненности человека социуму и его различным институтам. Социум всегда оказывал давление на личность, конечно, с разной силой и интенсивностью, и разные люди по-разному реагировали на это давление: кто-то смиренно подчинялся и принимал как должное, а кто-то боролся, рискуя жизнью. Вариантов таких реакций можно найти много. При этом автор теории рассматривает этот модус автономии именно как отступление, как отдаление от подлинной сути автономии личности, тем самым как бы вменяя некоторую вину нашим современникам за их нежелание быть полностью автономными.

Таким образом, краткий обзор основных модусов автономии в теории Э. Ю. Майковой показывает их генетическую связь с ценностно-нормативным пониманием автономии как индивидуальной самостоятельности человека, которая всегда обусловлена, ограничена многими объективными факторами и оказывается неким абстрактным идеалом, характерной русской мечтой об абсолютной свободе.

2. Теория «суверенной личности» А. Ю. Вязинкина

Одним из новейших примеров конструктивистского подхода к автономии является концепция «Суверенной личности» отечественного исследователя А. Ю. Вязинкина [2023]. В ней выделяются четыре взаимосвязанных аспекта суверенности человека: политико-правовой, социальный, экономический и интеллектуальный, которые должны быть полностью реализованы для достижения полного суверенитета личности. Суверенитет рассматривается в качестве идеально-нормативного состояния, имеющего отношение к отдельным личностям, а именно к «сильным личностям», к героям (сделавшим самих себя), способным активно противостоять любой несправедливости и ограничениям своей свободы и никогда не от-

ступать от своих идеалов. Однако история России и многих других стран показывает, что такие герои-одиночки обычно оказываются государственными преступниками и часто вынуждены бежать из несправедливого общества или погибать.

Авторский замысел этой теории, очевидно, имеет абсолютистский нормативно-ценностный характер, нацеленный на полную независимость человека от общества, и во многом отражает традиционное революционно-анархистское умонастроение, близкое к утопизму и моральному героизму. При этом конструктивистский характер этой концепции проявляется в попытке рационально-логически «собрать» структуру личного суверенитета как социально-этического и политического норматива и затем с его помощью строго оценивать реальное положение вещей. Но так как сам идеальный норматив оказывается утопичным, то и все оцениваемые люди и человеческие отношения будут всегда несовершенными, неправильными, и в итоге – несвободными. И здесь мы возвращаемся к традиционной ловушке несвободы: если я не свободен, то и не должен нести ответственность за свои решения и поступки, а значит, от меня мало что зависит, и пусть другие решают мою судьбу.

Героический пафос этой концепции «Суверенитета личности» может быть рассмотрен как призыв к некоторым будущим личностям стать совершенно автономными и достичь личного господства над социальными обстоятельствами. Но, как показывает исторический опыт, такие попытки нередко заканчиваются большими разочарованиями для самих героев или новой тиранией.

3. Понятие автономии в психологическом конструктивизме Д. А. Леонтьева

После критического рассмотрения абстрактно-утопических моделей автономии мы переходим к анализу конструктивистской модели автономии известного российского психолога Д. А. Леонтьева [2024].

В своих недавних публикациях он прямо заявляет, что как психолог вынужден заниматься детализацией важнейших философских категорий, уточнять их с помощью «особой психологической оптики» для того, чтобы увидеть тончайшие признаки человеческой личности и возможности их практического применения [Леонтьев 2024: 144]. Современный психолог предлагает собственное рациональное конструирование фундаментальных понятий самостоятельности, свободы, ответственности и автономии, так как без

конкретизации их содержания психологическая наука не может приближаться к реальности, к решению жизненных проблем реальных людей.

Леонтьев определяет «свободу» и «ответственность» в качестве «ядерных структур личности», которые позволяют раскрыть, а точнее, сконструировать ключевое понятие «самостоятельности» или «субъектности» как особого рода причинность [Леонтьев 2024]. Здесь мы видим явное обращение к критической философии И. Канта, а именно к кантовскому понятию причинности свободы, носителем которой является разумный волевой субъект. При этом сам Кант не отделяет друг от друга понятия свободы и ответственности, считая их неразрывно связанными аспектами морального сознания, так как разумная идея свободы уже предполагает личную ответственность разумного субъекта за свои решения и поступки [Мясников 2023a].

Вместе с тем мы вполне можем согласиться с приведенным различием разных источников и назначений свободы и ответственности. По словам Д. А. Леонтьева, свобода – это «форма активности» человека, «высшая форма спонтанности» [Леонтьев 2024: 153]. К этим утверждениям мы можем добавить, что своей конечной целью человеческая свобода имеет создание чего-то нового с помощью творческой активности. Поэтому именно творчество будет высшим способом проявления человеческой свободы [Мясников 2023б: 36–37]. Важнейшим проявлением морального творчества разумной личности будет создание «собственного закона» и следование ему в своих поступках. Это проявление внутренней самодетерминации Леонтьев относит к важнейшему аспекту автономии.

Ответственность определяется им как «форма саморегуляции», ограничивающая свободный произвол человека. Люди постепенно совершенствуют эти формы саморегуляции, переходя от первобытных запретов (табу) к современным моральным нормам, нравственным правилам. Мы можем дополнить, что эта форма саморегуляции поведения человека, то есть его свободного самовыражения, предполагает разумное согласование личной свободы каждого со свободой других разумных существ. Ответственность выводит человека на уровень всеобщей рефлексии, рационального осмысления возможного будущего блага не только для себя, но и для всех. Говоря кантовским языком, через сознание личной ответственно-

сти практический разум может доходить до понимания «высшего блага».

Предложенное Д. А. Леонтьевым различие степеней свободы и ответственности (и соответствующих уровней автономности человека) интересно в контексте социально-антропологической модели 10 степеней свободы как самостоятельности. При этом он приводит свою классификацию этапов эволюции самостоятельности (автономности) человека, доходящего только до совершеннолетия: от отделения от материнского организма до формирования личных смыслов в подростковый период [Леонтьев 2024: 153].

Если опираться на социально-антропологическую модель 10 степеней свободы, то психолог очень точно останавливается на третьей степени (интеллектуально-волевой самостоятельности) – подростковом самоопределении, так как дальше идет четвертый этап – правовой самостоятельности (юридического совершеннолетия) и пятый этап – экономической самостоятельности, а это уже не совсем психологическая территория. Но философский дискурс связывает эти этапы в единое целое и полагает границы между ними вполне преодолимыми, ведь разумная жизнь человека только начинается в подростковом периоде, собственно говоря, начинает формироваться подлинная автономность, которая, по мнению Леонтьева, проявляется в трех «параметрах» – «рефлексивности» (осознанности), «субъектности» (активности) и «гармонии своего Я со своей жизнью» (аутентичности) [Там же: 155]. Перечисленные «параметры» имеют формально-феноменальный характер и не раскрывают самого содержания мыслительных, волевых решений и действий человека.

Именно в кризисные периоды человеческой жизни требуются надежные механизмы, эффективные способы психоэмоциональной и мировоззренческой адаптации, позволяющие сохранить нерушимое ядро собственного достоинства и личной автономии [Леонтьев, Шильманская 2019]. Далее мы переходим к рассмотрению современных адаптационных способов личной автономии.

Адаптационные проекты личной автономии

В центре нашего внимания будут несколько практических вариантов адаптационных проектов личной автономии, которые предназначены для сохранения минимального уровня личного достоинства и свободы в экстремальных или кризисных ситуациях.

Первым вариантом такой адаптации является «уход в себя», «погружение в собственный внутренний мир», отказ от общественно-политической деятельности. Суть этого способа адаптации заключается в вынужденном разрыве внешней и внутренней свободы и вполне рациональном отказе от внешней активности – политической, нравственно-религиозной и творческой [Мясников 2023а]. «Уход в себя» (бегство от внешней свободы), в частную жизнь, в свой внутренний духовный мир позволяет: во-первых, обезопасить себя от возможных негативных факторов внешней социально-политической среды, или как бы забыться, то есть отключить рационально-критическую рефлексию о происходящем вокруг (опираясь на известную психологическую установку «если ты не можешь изменить обстоятельства, измени свое отношение к ним») [Фромм 2006].

Во-вторых, не участвовать в неприятных, нередко преступных массовых действиях, тем самым сохраняя свою минимальную человеческую достоинство и самоуважение. Именно об этом писал Л. Н. Толстой в поздних сочинениях о ненасилии [Гусейнов 2012].

В-третьих, эта модель автономной адаптации временно изолирует личность из социального пространства, исключая ее из разнообразных коммуникаций и публичной сферы. Если этот период изоляции затягивается, то это ведет к личностной деградации, а в итоге – к отказу от стремления к высшим степеням свободы. А этот личный отказ не ведет к развитию всего общества, не способствует продвижению большинства к высшим степеням свободы. В-четвертых, еще одним негативным следствием традиционной автономной адаптации будет неизбежное ослабление рационально-критического мышления, социальных коммуникаций, без которых оно не может нормально поддерживаться и тем более развиваться, а, следовательно, это ведет и к интеллектуально-волевой деградации таких изолированных индивидов.

Второй адаптационный вариант личной автономии может быть описан как «тихое сопротивление» или спокойная неуступчивость. Эта жизненная позиция предполагает внешнюю лояльность к сложившимся общественно-политическим условиям, законопослушное поведение при сохранении внутренней неуступчивости («принципиальности»), то есть ценностно-смысловой самостоятельности или духовной автономии [Соловьев 2005; Мясников 2023а]. Такая модель автономии часто использовалась в условиях авторитарных и тоталитарных режимов XX в. и позволяла многим мысля-

щим и свобододолюбивым гражданам переживать эти сложные времена, сохраняя морально-практический потенциал для последующего освобождения. Одним из морально-практических способов сохранения минимальной достойности в таких условиях является вынужденное публичное замолчание или отказ от общения с неприятными и опасными людьми [Фасоро 2019]. Этот способ адаптации позволяет выполнять общечеловеческое разумное требование «не лги», что является существенным основанием для самоуважения собственной личности в экстремальных условиях [Мясников и др. 2023: 5–15].

Таким образом, представленные модели адаптационной автономии показывают наиболее характерные варианты приспособления наших современников и недавних поколений к сложным, экстремальным общественно-политическим условиям. Эти способы адаптации являются временными и вынужденными благоразумными решениями, имеющими долгосрочную нацеленность на достижение гармоничного единства внутренней и внешней свободы, то есть на полноценную реализацию личной автономии. В следующем разделе статьи мы рассмотрим условия и возможности такой реализации.

Интерсубъективная модель личной автономии

Если кантовская этика признает, что автономия практического разума (абсолютная независимость от чувственных побуждений) является идеалом, недостижимым в реальной жизни людей, то мы будем рассматривать автономию как относительную свободу и самостоятельность человека, которая предполагает разумное согласование разных побуждений с фундаментальным «ядром» автономии. Именно это «ядро», или ценностно-смысловой стержень личности, является источником самозаконности, подлинной свободы воли, внешним выражением своей воли, то есть своей субъективной самости [Судаков 2023; Сергеев 2020]. И вместе с тем это «ядро» открывает для личности возможность бесконечного общения с другими разумными существами, в том числе и с Богом как возможным высшим разумом.

Вместе с Кантом мы вполне можем допустить существование всеобщего человеческого разума, имеющего ценностно-смысловое ядро, связывающее род человеческий в единое целое и открывающее возможности для общения и понимания других разумных существ. Опираясь на кантовское понимание человеческой мораль-

ной автономии, мы предлагаем интерсубъективную модель личной автономии, основанную на вариативно-модульном подходе к формированию человеческого мировоззрения и жизненным практикам [Резник 2011; Мясников 2023а]. Эта интерсубъективная модель нацелена на интеллектуальное и ценностно-рациональное сближение человечества, сохраняя в себе высокий гуманистический пафос Просвещения [Хабермас 2008; Гусейнов 2012; Castels 2006]. Речь идет именно о гуманистическо-правовом пафосе Просвещения в кантовском его понимании как постепенного выхода всего человечества из состояния интеллектуального и нравственно-религиозного несовершеннолетия. Переход человека к такому полному совершеннолетию, то есть к полной самостоятельности и позитивной свободе, оказывается очень трудным и длительным процессом, предполагающим рациональное осознание и эмоционально-психологическое принятие концепта личной автономии, личной суверенности человека как разумного существа, представляющего в своем лице все разумное человечество.

С учетом того, что кантовская модель автономии имеет идеально-нормативный характер и относится только к сфере морального сознания, в современных условиях мы можем отойти от строго морального толкования автономии и допустить ряд аспектов гетеронмии воли, связанных с экономической, социальной и политической деятельностью человека. Эти практические аспекты предполагаются в нашей социально-антропологической модели 10 степеней свободы [Мясников 2023б]. Обретение моральной автономии (нравственно-религиозной самостоятельности – восьмой степени) предполагает достижение социально-экономической (пятая – шестая степени) и политической самостоятельности (седьмая степень). Неслучайно выдающийся социальный философ современности Ю. Хабермас подчеркивает, что без политической автономии (самостоятельности) невозможно представить современную моральную общность людей [Хабермас 2008]. Он также отмечает, что в современном мире необходимо согласование личной автономии и общественно-политической автономности с помощью интерсубъективных рациональных дискурсов и постоянной коммуникативной рефлексии.

Мы рассматриваем посткантовскую интерсубъективную модель автономии, нацеленную на интеграцию личной и общественной самостоятельности, в перспективе продвижения к высшим степеням свободы. Основанием этого процесса будет экономическая самостоятельность субъекта (индивидуального или коллективного),

которая реализует базовые материальные интересы человека или целого сообщества. В кантовской метафизической модели автономии это основание не принимается в расчет, вернее, допускается как самоочевидное для совершеннолетнего человека (мужчины). В XXI в. мы не можем не учитывать важнейшую роль экономической самостоятельности в процессе реализации личной автономии. Об этом свидетельствуют и социологические данные: индивидуализация и урбанизация жизни ведут к тому, что молодые люди (мужчины и женщины) долго учатся, чтобы затем приобрести интересную и выгодную профессию и достичь личной экономической свободы [Майкова 2015; Аузан 2010]. Это особенно важно для женщин, которые уже не хотят зависеть от своих мужей и желают быть автономными наравне с мужчинами.

Этот фундаментальный социально-экономический сдвиг, начавшийся во второй половине XX в., становится глобальной тенденцией социальной эволюции, а именно тенденцией выравнивания возможностей мужского и женского разума и тела и реального признания кантовского понятия «всеобщего человеческого разума». Сама практика жизни наглядно показывает торжество всеобщей разумности, которая конкретно проявляется в массовых антиколониальных движениях, в борьбе за равноправие женщин и различных меньшинств, в борьбе за равные экономические и политические возможности развивающихся обществ и др. [Чумаков 2018]. Во всех этих освободительных процессах мы можем видеть реализацию всеобщей человеческой разумной автономии, порождающей социально-экономическую и социокультурную полисубъектность и политико-правовую многополярность.

Заключение

Подводя итог нашему социально-философскому анализу кантовского понятия автономии, мы можем отметить, что метафизическое понимание автономии как чисто моральной самостоятельности и личной самозаконности, возникшее в конце XVIII в., в XXI в. дополняется, во-первых, такими необходимыми аспектами личностной самостоятельности, как экономическая, социальная и политическая. Во-вторых, автономия приобретает интересубъективный, то есть всеобщий масштаб, что, собственно, потенциально содержалось в кантовском понятии. В-третьих, современная автономия порождает полисубъектность человеческих отношений, которая от-

четливо проявляется во многих процессах глобализации и формирования многополярного мирового политического устройства.

Литература

Аузан А. Национальные ценности и модернизация. М. : ОГИ, Полит.гу, 2010.

Апресян Р. Г. Историческая и нормативная динамика идеи моральной автономии // Дискурсы этики. 2015. № 1(10). С. 13–34.

Артемьева О. В. Универсальность и автономия в этике И. Канта // Философские науки. 2018. № 11. С. 86–102.

Вязинкин А. Ю. «Суверенная личность»: опыт актуализации и концептуализации понятия // Человек. 2023. № 1. С. 149–172.

Гусейнов А. А. Что такое этика ненасилия? // Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 519–528.

Кант И. Религия в пределах только разума / И. Кант // Соч.: в 8 т. Т. 6. М. : Чоро, 1994. С. 5–222.

Кант И. Критика практического разума / И. Кант // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3. М. : Московский философский фонд, 1997а. С. 277–733.

Кант И. Основоположения к метафизике нравов / И. Кант // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3. М. : Московский философский фонд, 1997б. С. 39–276.

Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М. : Канон +, РООИ «Реабилитация», 2009.

Круглов А. Н. О кантовском понятии человеческого достоинства сегодня // Кантовский сборник. 2024. Т. 43. № 1. С. 47–75.

Леонтьев Д. А. От феномена самостоятельности к механизмам самодетерминации // Вопросы образования. 2024. № 1. С. 142–161.

Леонтьев Д. А., Шильманская А. Е. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 90–100.

Майкова Э. Ю. Социально-философская концепция автономии личности: дис. ... д-ра филос. наук. Тверь, 2015.

Мясников А. Г. Кантовский долг правдивости в ситуациях вынужденного замолчания: поиск конструктивных решений // Иммануил Кант и моральная философия / под ред. А. В. Разина. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023а. С. 207–234.

Мясников А. Г. О вариативно-модульном характере современной социально-практической философии // Философия и общество. 2023б. № 4(109). С. 33–47.

Мясников А. Г., Ульянов В. П., Зубков А. Б. и др. Российский социум в условиях системной адаптации: от философской методологии к социально-экономическим и управленческим решениям. М. : Моск. ун-т им. С. Ю. Витте, 2023.

Резник Ю. М. Интерсубъективный мир личности и его альтернативность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2011. № 3. С. 99–104.

Сергеев С. М. Автономия личности как ценностное ядро социальной идентичности в современном обществе // Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 37–43.

Соловьев Э. Ю. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция, 2005.

Судаков А. К. Три дороги в царство целей: основания идеала сообщества в чистой этике Канта // Иммануил Кант и моральная философия / под ред. А. В. Разина. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. С. 97–136.

Фасоро С. А. Кант о человеческом достоинстве: автономия, человечество и права человека // Кантовский сборник. 2019. Т. 38. № 1. С. 81–98.

Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М. : АСТ, 2006.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2008.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

Castels M. Globalisation and Identity. A Comparative Perspective // Transfer. 2006. No. 3. Pp. 62–63.

Lotter M. Scham, Schuld, Verantwortung. Über die kulturellen Grundlagen der Moral. Berlin : Suhrkamp, 2016.

Rössler B. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben. Berlin : Suhrkamp, 2018.